

БЛОК В БОЛГАРИИ

Обзор Е. Даскаловой

«Блок это не только Блок,
Блок — это Россия!»

Гео Милев

Александр Блок оставил заметный след в мировом и особенно славянском литературном процессе. Восприятие его поэтического наследия в Болгарии с начала века до наших дней представляет одну из самых интересных страниц истории русско-болгарских литературных отношений в первые десятилетия XX века.

Значение Блока для духовной и культурной жизни Болгарии следует рассматривать в связи с общими идейно-эстетическими закономерностями переходной эпохи, и прежде всего стремительным отходом от буржуазного индивидуализма и утверждением гуманизма нового типа (кроме того, историческая судьба болгар обусловила особый интерес к одному из крупнейших произведений Блока — поэме «Возмездие»).

В период, предшествующий Октябрьской революции, восприятие творчества Блока в болгарской литературе происходит под знаком противоречивого развития символизма, после победы Октября оно связано с революционизированием общественного сознания, значительно повлиявшим на литературный процесс (идейно-художественная переориентация некоторых выдающихся поэтов — модернистов, укрепление позиций поэтов пролетарского лагеря). А в период борьбы с фашизмом, после победы над ним Блок воспринимался в свете освободительной миссии советского народа и нового понимания человека будущего.

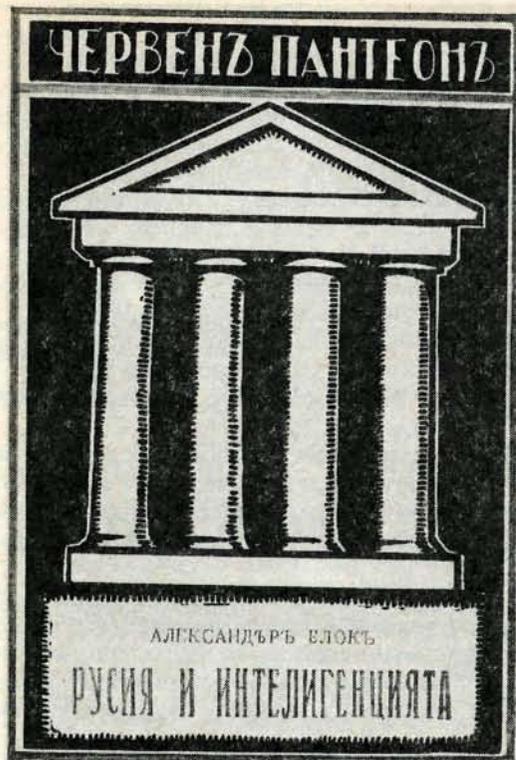
Этот многогранный, развивавшийся во времени процесс восприятия Блока в болгарской литературе (переводы, критическая рецепция, творческое воздействие на поэтов Болгарии) составляет предмет настоящего обзора.

На основе современных методологических концепций о межнациональных литературных связях¹ мы дифференцированно подходим к изучению этой сложной проблемы, учитывая социально-историческое, национальное и индивидуальное своеобразие тех явлений нашей отечественной культуры, которые испытали плодотворное влияние великого русского поэта.

1.

БЛОК И БОЛГАРСКИЙ СИМВОЛИЗМ НАЧАЛА ВЕКА

Творчество Блока входит в культурную жизнь Болгарии в первом десятилетии нашего века. В обстановке резко обострившихся социальных противоречий и на основе специфического для национальных условий «ускоренного развития» существуют разные литературные направления: продолжает развиваться на новом этапе критический реализм, утверждается зародившаяся в 90-е годы революционно-пролетарская литература, оформляется как новое литературное течение модернизм. Демократическая литература развивается в борьбе с декадентскими тенденциями².

БЛОК. РОССИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ПЕРЕВОД Н. ХРЕЛКОВА И Л. МАРИНОВА
София, 1921

Обложка и титульный лист

В Болгарии находит почву для развития символизм — одно из самых распространенных течений модернизма. Следуя общим тенденциям развития символизма в европейской литературе, болгарский символизм занимает свое особое место. Его самобытность на базе неравномерного социального развития в стране и ряд причин общественного и чисто литературного характера научно аргументированы в весьма авторитетных общих и специальных исследованиях³. Речь идет о недостаточной оформленности болгарского символизма как эстетического течения, о его отклонении от идеалистической философии, о его «земном» характере и тяготении к реализму, о непресекавшейся связи его с литературной традицией прошлого⁴. С другой стороны, заметна демократизация взглядов части представителей символизма, некоторые из них даже приобщаются к социалистическому идеалу. Все это создает предпосылки для кризиса метода и поэтики символизма. Изживший себя в значительной степени в конце первой мировой войны, символизм в Болгарии теряет позиции после Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г.

С процессом формирования и постепенного распада символизма в Болгарии следует соотносить и восприятие блоковской поэзии. Оно проявляется весьма своеобразно. В то время как некоторых русских символистов, в том числе Бальмонта и Белого, усиленно переводят на болгарский язык, наряду с Бодлером, Метерлинком, Оскаром Уайльдом, из поэзии Блока почти ничего не переводится. О нем не пишется и в критической литературе. И несмотря на это, известность Блока среди болгарской интеллигенции очевидна. Чем это объясняется? Как нам удалось установить, Блок распространялся больше в оригинале. Его переписывают, декламируют, включают в рукописные ан-

тологии⁵. Можно предположить, следовательно, что между Блоком и болгарскими литераторами создается органическая внутренняя близость.

Первое знакомство болгарской культурной общественности с Блоком относится к концу 1907 г. Из анкетных материалов⁶ видно, что его читают сначала в оригинале (в русских журналах „Весы“ и „Золотое руно“)⁷. Поэт Николай Лилиев рассказал нам: «В 1907—1908 гг. я выписывал „Весы“ и „Золотое руно“, в редакционные коллегии которых входил и Блок. До того времени издания русских символистов не были известны у нас»⁸. Через Лилиева, как свидетельствует Георгий Константинов, знакомятся с этими изданиями и другие наши писатели⁹.

По мнению Лилиева, Блок становится известным в Болгарии сначала публицистическими статьями и рецензиями, которые, со своей стороны, вызывали интерес и к его поэзии. Речь идет о «Золотом руно», где были помещены известные статьи в защиту Горького, о Толстом и о драмах Шекспира. «В „Весы“ появились отзывы о новых книгах Блока (рецензии В. Брюсова), и я решил выписывать некоторые его сочинения», — сообщает Лилиев¹⁰.

Особенно интересной и актуальной для болгарского читателя явилась статья Блока «О реалистах», посвященная Горькому. В обстановке обострения критических выступлений против автора повести «Мать» статья Блока оказывала противодействие, становясь исходным пунктом для истинного понимания писателя в среде болгарских символистов.

Положительную роль сыграла также статья «Солнце над Россией», посвященная 80-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, «величайшего и единственного гения современной Европы, величайшей гордости России, человека, само имя которого благоухание...». Так первое знакомство с Блоком в Болгарии через его публицистические статьи связывается с борьбой за распространение демократических идей русской литературы.

Одновременно болгарский читатель начинает знакомиться с поэтическим творчеством Блока, которое оказывает заметное влияние на сознание молодого поколения писателей. Первая книга, распространенная в оригинале, это — сборник стихов «Нечаянная радость» (1907), характеризуемый самим автором как «переходный». Особенно сильный художественный резонанс приобрело известное стихотворение «Незнакомка», которое, по словам одного из выдающихся символистов — Л. Стоянова, «воспринималось в их среде как манифест литературной богемы»¹¹.

Широкое распространение приобретают третий том лирики Блока и особенно стихотворный сборник «Ночные часы» (1911), и это естественно. Накануне Балканской войны интерес к теме родины в поэзии Блока значительно повышается. Н. Лилиев в цитируемом письме отмечает, что «помещенные в „Ночных часах“ стихотворения, где ведется борьба за воссоздание действительности в поэзии, цитировались всюду литераторами молодого поколения»¹². Эта книга положила начало отныне неизменного интереса к Блоку в Болгарии.

Для ознакомления с Блоком имели значение и обзорные статьи о русской литературе, а также и некоторые мемуарные материалы¹³, опубликованные в болгарской печати. Интересным документом об отношении болгарской литературной общественности к русскому поэту является статья «Кризис современного русского символизма»¹⁴. Она принадлежала известному в свое время буржуазно-либеральному русскому критику С. Адрианову и представляла обзор дискуссии о «тревожном» состоянии символизма в России на страницах журнала «Аполлон» (1910). В дискуссии участвовали, кроме Блока, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Белый, В. Брюсов, С. Городецкий. Обзор позволял судить об эстетическом размежевании среди русских символистов и особом месте, которое занимает Блок.

Все это предопределило и процесс сближения болгарских поэтов-символистов с миром поэзии и эстетическими взглядами Блока. Духовную близость

Ал. Блок

Или лигове — вшыко тревожно,
всёка буря у нас зашлякы.
Някой кедо рождате си сякыси
и поладне те с ясны ачы...

Сякыси в пропасти бездныи изчезе
от гривота и зло, и тогда,
и полека изтава над бездныи
тмичина, седмисветна дгала...

И докосте слышашите струны
както някога, във младостта,
и в душата напрещата звонче,
като в арфа затыл песента.

прев. Елишавета Багряна

СТИХОТВОРЕНИЕ БЛОКА
«ЕСТЬ МИНУТЫ,
КОГДА НЕ ТРЕВОЖИТ...»
В ПЕРЕВОДЕ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК
Е. БАГРЯНЫ

Автограф переводчицы
Народная библиотека
«Кирилл и Мефодий»,
София

к поэту «страшных лет России» ощущали те болгарские писатели, которые, несмотря на общую модернистскую ориентацию, сохранили связь с жизнью, чувствовали несостоятельность течения и крушение собственных иллюзий.

К Блоку проявляют интерес и поэты старшего поколения. Яворов — один из первых, кто наряду с Бальмонтом и Брюсовым читает Блока¹⁵. Кирил Христов тоже знал Блока. Особенно импонировала блоковская исповедальная лирика молодым поэтам того времени: Н. Райнову, Хр. Ясену, Н. Хрелкову. Близость к Блоку чувствовал и Теодор Траянов, позднее посвятивший его памяти стихотворение «Новый иконостас». Однако более глубокий интерес к русскому поэту в этот период проявляют Николай Лилиев, Людмил Стоянов, Димчо Дебелянов.

Один из первых болгарских поэтов-символистов, которого привлекает обаяние блоковской музыки, — Николай Лилиев. Он с увлечением переписывает стихотворения «Незнакомка» и «Россия», включая их в свою рукописную антологию¹⁶. В те годы Лилиев делает первые шаги в поэзии как защитник «чистого искусства». Его стихи, собранные потом в книге «Птицы в ночи» (1919) отражают душевные терзания страдающей личности, оторванной от жизни, разuverенной, влюбленной в одиночество и в ночную тишь. На этом этапе сходство между Лилиевым и Блоком проявляется в сфере элегического отношения к любви и скорбных переживаний, порожденных соприкосновением с нерадостной действительностью. Увлечение таинственным образом женщины сказалось в стихотворении «Ничия Никого». Более определенная внутренняя близость чувствуется в урбанистической лирике Лилиева (в цикле «Город»). Сначала город в изображении болгарского поэта, как и у раннего Блока, еще далек от действительности — это мир «страшных видений», странных людей. Позже, сблизившись с обыкновенным трудовым людом (Лилиев печатается и в социалистических изданиях), поэт смог более конкретно описать городской быт и социальные противоречия. Там же, на душных фабриках, он видел и новых людей, тех, которым принадлежит будущее.

Трепетни зари обаждат
 день в разтленный град
 сънните тълпи възраждат
 сънния площад.
 Среди грясък и тревога
 техний брой расте —
 те са много, толкоз много
 де отиват те?

И хотя здесь говорится о «толпе», без ясного осмысления ее роли и пути, эти строки свидетельствуют о связи отдельного человека с коллективом в сознании поэта.

Во время войны усиливается чувство болезненности и ненужности. Но тогда уже в творчество Лилиева властно вторгается образ родины. В этом отношении улавливается общность с блоковской патриотической лирикой. Как и Блок, Лилиев обращается к родине, которая скорбит в своем одиночестве:

Кому предаваш тая скръб велика
 на своята безтрепетна душа —
 и аз ли пръв, отгатнал й езика,
 съзнавам, че пред тебе днес греша?

За пошлостью и тленностью старого мира Лилиев видит светлое будущее родной земли:

Те пак ще дойдат твоите деца —
 Родино, кобни сънища живяла —
 и пак на твоята земя заспала
 Ще блеснат неугаснали слънца!

И далее:

И ти ще си царица увенчана
 с възторзите на волния живот.
 И ти ще си невестата избрана
 на своя млад и опознат народ!

Именно тяготение к родине — «невестата избрана» — и долгий путь к ней, типологически сближающие Лилиева с Блоком ведут болгарского поэта к осознанию своей трагической вины перед народом. Они отделяют его от декадентской эстетики и поэтики.

Конечно, все это имело корни в самой болгарской действительности, заставлявшей думать о народном горе, о людях, подавленных бедствиями войны.

Весьма характерен процесс болезненного столкновения с действительностью у Людмила Стоянова. Знакомство болгарского поэта с Блоком начинается еще в юношеские годы и оставляет заметный след на всей его деятельности — поэтической, переводческой, публицистической. Его современники свидетельствуют, что во время их «символистических увлечений» очень часто упоминались имена Блока и Брюсова¹⁷. Сам Л. Стоянов в беседе о ранних своих поэтических пристрастиях отмечал: «В эти годы я увлекался социальным пафосом Верхарна, широкой культурой Брюсова, драматической поэзией Александра Блока»¹⁸. У Блока Стоянов видит прежде всего бунт против мещанства и романтическую мечту о будущем. Поэтому целый цикл в своем первом сборнике «Стихотворения» под названием «Предчувствия» Стоянов открывает эпиграфом из Блока: «Невозможное было возможным и возможное было мечтой». В стихах ощущается смутное ожидание далекой радости от того, что должно быть, — чувство, очень близкое блоковской «Нечаянной радости».

То, что сближает Стоянова с Блоком в типологическом плане,—боль о человеке гибнущем, но непримиримом. «На медленном огне горишь ты, но не сгораешь душа моя»,—говорит он вслед за Брюсовым в одном из своих стихотворений в цитируемом сборнике. Сначала его гуманистический протест носит абстрактный характер. Переоценивая в дальнейшем свои взгляды, Стоянов признается в статье «Мой литературный наставник» (1936): «Вместе с Бодлером и Маларме, Брюсовым и Блоком мы были убеждены, что творим великое дело, загнипнотизированные формулой, что Красота спасает мир». Но при всей его отчужденности от реальной жизни символист Л. Стоянов, как и Блок, поглощен проблемой соотношения отдельной личности с миром. В их ранних стихах мы видим «пантеистическое» слияние человека с природой («Верю в солнце завета»—Блок, «Вербы»—Стоянов). В дальнейшем это слияние приобретает общественный характер.

События Балканской войны приобщают Л. Стоянова к народу и его судьбе. Почувствовавший трагедию индивидуализма, поэт ищет путь сближения с людьми. Как и автор «Стихов о России», он осознает жизнеутверждающее величие родной земли—исконного «начала всех начал». В одном из стихотворений на эту тему читаем знаменательное признание, которое можно считать эквивалентом переживаний целого поколения:

Без мене ти си пак велика,
ала без теб какво съм аз...

(«Родина»)

Здесь (как у Лилиева) затрагивается косвенно вопрос о долге поэта перед отечеством и народом, который в будущем становится основным критерием в творчестве Стоянова. Снова является знакомый образ родины как «синеокой женщины». Именно в слиянии с родиной Стоянов видит залог будущего каждого отдельного человека.

И пак ще сме ний неразделни
о ти, синеока жена!
Аз син на поля безпределни
съм стражин на моята страна!

(«Моята страна»)

В другом аспекте это настроение возникает и в стихотворении «К моему народу». Главное, на что Стоянов, как и Блок, обращает внимание,—это новый человек, его духовное возрождение от слияния с народом, родиной. Мировая война и события после нее углубляют именно эту линию творчества Стоянова—через личное к общечеловеческому.

Особенно близок к тональности блоковской лирики в этот период болгарский поэт Димчо Дебелянов, с неповторимой силой отразивший противоречия своего времени. Как отмечается в мемуарных источниках, он хранил глубокую симпатию к «самому любимому» русскому поэту, с увлечением читал и декламировал его стихи, и в особеннности «Незнакомку». «При чтении этого стихотворения, вспоминает его друг Л. Стоянов,—взгляд Дебелянова вспыхивал. Слова: „Я знаю: истина в вине”—он бросал как вызов правителям»¹⁹. Этот вызов сохранился и в творческом восприятии Блока Стояновым.

Свидетельством могучего воздействия Блока на болгарскую поэзию являются произведения Дебелянова. Не только отдельные его стихи проникнуты обаянием блоковской музыки, но некоторые из самых сокровенных песен в его цикле «Под сурдинку» посвящены Блоку. Однако необходимо иметь в виду, что Дебелянов глубоко оригинальный поэт в полном смысле этого слова, впитавший в себя самые лучшие стороны национальных традиций. Близость между ним и Блоком лежит более глубоко—в идейной и эмоциональной атмосфере, конкретно-жизненных имульсах поэзии, в общих тенденциях их идейно-творческого развития.

37

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ

СЪ ПРЕДИСЛОВИЕМЪ
П. СУВЧИНСКАГОРОССИКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФИЯ

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ. С ПРЕДИСЛОВИЕМ П. СУВЧИНСКОГО

София, 1921

Обложка и титульный лист

В ранней лирике Дебелянова культ любимой женщины связывается с высоким гуманистическим идеалом и мечтой о лучших человеческих отношениях. («Посвящение», «Лъч»). Это совпадает с его увлечением социалистическими идеями («Светла вяра»). В зрелом творчестве его лирический герой, сталкиваясь с противоречиями большого города, уже видит ясно социальное неравенство, жизнь в ее реальном содержании. Эту линию развития находим мы и у Блока. Но, если русский поэт отдален по силе своего окружения и воспитания от жизненных невзгод, болгарский — еще с раннего возраста сжился с ними: на этой основе особенно сильно чувствуется драматизм конфликта социально подавленного человека с действительностью.

Чувство трагизма, порожденного глубокими социальными противоречиями современного общества, пронизывает весь строй дебеляновской поэзии. Этим определяются ее общность с блоковским поэтическим миром и коренное отличие от таких поэтов, как Мережковский, Сологуб, Бальмонт и др. Герой Блока переживает трагедию одиночества и раздвоенности на основе любви к жизни и ее несоответствия идеалу.

И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
(«Возмездие»)

Глубокое душевное раздвоение определяет внутреннюю драму Дебелянова: «разнолика, нестройна душа» — говорит он о себе, и имея в виду постоянные подъемы и падения на своем жизненном пути, говорит:

през дня неуморно изграждам,
през ношта неуморно руша.
(«Черна песен»)

Душевное потрясение и отчаяние, мучительная раздвоенность у обоих поэтов отражают непримиримые противоречия переходной эпохи. В урбанистической лирике Дебелянова, как у Блока и Брюсова («Город», *Urbi et Orbi*) тема города все больше превращается в тему страдания одинокого человека, которого «ночь разлюбила», а «день не знает его» («Грижа», «Спи градът»).

Весьма характерен на этом этапе развития дебеляновский лирический цикл «Под сурдинку» (1914), эпиграф к нему — известные строки Блока из «Весеннего дня»:

И стало беспощадно ясно:
жизнь прошумела и ушла.

Стихотворения, включенные в упомянутый цикл, своеобразно подчинены основной мысли автора о «прошумевшей жизни» и ясному сознанию ее несовершенства, крушения и гибели. Чувство трагизма тут доведено до крайнего предела. Лирический герой охвачен раскаянием и самообвинениями за свою прошедшую жизнь: настал час «черных итогов», мучения становятся невыносимыми («Как безумная закана», «Изминах пътя през лъките»). Это и расплата за утерянные мечты и идеалы, и категорический, беспощадный вывод, что так больше невозможно жить («Назад през сънища стъмени»).

Драматическая борьба с самим собой оказалась с подлинной силой и напряженностью в последнем стихотворении цикла «Живях в заключени простори», где осязаемо чувствуется блоковская атмосфера непримиримости. Одновременно с этим переживания лирического героя доведены до степени поэтического обобщения — в его судьбе проглядывается судьба целого поколения, характерная как для героя болгарской, так и для героя всей литературы того времени:

Живях в заключени простори
и неумолима пустота
И в мойта повест се повтори
на някой Люне посетта.

И трагический монолог человека, погибающего в неумолимой пустоте окружающей действительности, превращается в протест против настоящих виновников его нравственной гибели. Это о них Блок с такой изобличительной силой написал несколькими годами раньше:

Они давно меня томили
В разгаре девственной мечты,
Они скучали и не жили
И мяли белые цветы.
(«Сытые», 1905)

У Дебелянова эта идейно-эмоциональная оценка доведена до степени сарказма:

Скверниха нищий мойто знаме
враг мойта девствена земя
и над мощта и гордостта ми
измамна слава се надсмя.

При всех различиях обоих поэтических текстов нет сомнения, что адресат у них, по существу, один и тот же: нравственно разложившееся бжуражное общество, которое убивает самые чистые человеческие помыслы и мечты.

Вспыхнувшая в 1914 г. первая мировая война активизирует сознание Дебелянова²⁰. Измененное в условиях военного быта мироощущение поэта определяет новый коллективистический дух его творчества, нарастание реалистических элементов в нем, новый облик лирического героя, который приобретает к «безымянным». Это обращение к людям из народа, жизнеутверждающий пафос Дебелянова напоминают в известной степени эволюцию Блока.

Новая активно-гуманистическая направленность поэзии Дебелянова, его протест против войны выступают особенно ярко в стихотворении «Един убит». Перед лицом смерти «мертвец уже не враг»,— говорит Дебелянов в своем незабываемом стихотворении-реквиеме. О царящей на фронте могильной пустоте, о смерти, сравнявшей «врагов и друзей», пишет почти в то же время и Блок («Я не предал белое знамя»). Но война просветляет взгляд Дебелянова и в другом отношении— он предвосхищает идущую буреносную и мощную борьбу, как это показано в стихотворении «Ночь над Солун». Здесь в завуалированной форме дана картина будущей встречи двух враждебных миров. Здесь воссоздана характерная для поэтики прогрессивного романтизма ситуация— мрачная ночь, предвещающая великую битву (Байрон, Лермонтов). Глубоко пророческий смысл приобретает эта образная символика у Блока и в стихотворном цикле «На поле Куликовом». Но Дебелянов, воплощая свои собственные переживания, как будто возвращаясь к своей светлой вере молодых лет, создает глубоко оригинальный образ, связанный с исторической судьбой страдающей болгарской земли.

Таким образом, прозрения о гибели старого мира во время войны и страстная устремленность к человеческому счастью, вера в будущее навсегда выводят Дебелянова из плена субъективного искусства, к которому, собственно, он и не был до конца причастен. Нет сомнения, что, если бы не ранняя гибель (он был убит на фронте), он последовал бы за любимым русским поэтом в его отношении к революции.

Для болгарских поэтов, испытавших влияние Блока, характерно родство с теми сторонами его творчества, которые резко отделяют его от декадентства. Это— антибуржуазный пафос, гражданско-патриотическая проблематика, социальный оптимизм. Таковы внутренние предпосылки приобщения некоторых из них к идеям Октябрьской революции.

2.

ТВОРЧЕСТВО БЛОКА В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ БОЛГАРИИ

Победа Октябрьской революции породила новые процессы в искусстве и литературе, связанные с крушением буржуазного мира и формированием новых эстетических идеалов. Идеино-художественный перелом пережили значительнейшие писатели и поэты различных направлений в западноевропейских и славянских странах (в том числе и в Болгарии): И. Бехер, П. Элюар, Л. Арагон, В. Незвал, В. Броневский, Г. Милев, Л. Стоянов и др. Обострение социальных противоречий в Болгарии после Сентябрьского восстания 1923 (так же как и в центральной Европе после революции в Венгрии и Германии) создает условия для ускоренной дифференциации «двух национальных культур». Болгарское революционное движение вступает в новую фазу: «рабочее движение сливается с демократическим»²¹. И на этой основе в болгарской литературе расширяются реалистические и демократические тенденции, с одной стороны, и угасают модернистские— с другой. В этой обстановке советская литература, представленная Горьким и Маяковским, Брюсовым и Есениным, Бедным и Серафимовичем, приобретает исключительное значение для болгарской литературы в плане идейном и художественном. И конечно, процесс взаимодействия русской советской литературы с болгарской проходил не без активного участия в нем послеоктябрьских произведений Блока, художественный опыт которого отразился на формировании нового поэтического сознания, характерного для той части болгарских писателей, которые связали свое творчество с развитием прогрессивного искусства²².

В 1920—1930-е годы имя Блока становится одним из популярнейших. Это вызвано, конечно, характером его творчества, содержащим в себе поэтический отклик на события русской революции, а также его гражданским примером, по сути своей ставшим подвигом. Произведения Блока переводятся

АЛЕКСАНДЪРЪ БЛОКЪ

ДВАНАЙСЕТЪ

преведе
ДИМ. ОСИНИНЪ

НАРИЗДАТЪ

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ.
ПЕРЕВОД Д. ОСИНИНА
София, 1945
Обложка

Александр
Блок

ИЗБРАНИ
СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЕМИ

Преводе
МЛАДЕН ИСАЕВ

БЪЛГАРСКИ ПИСАТЕЛ
София 1960

БЛОК.
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ.
ПЕРЕВОД М. ИСАЕВА
София, 1960
Обложка

и пропагандируются видными болгарскими писателями и критиками, общественными и театральными деятелями. Они популяризируются в антифашистской и демократической печати и способствуют изменению эстетической ориентации ряда модернистских журналов.

Поэма Блока «Двенадцать» наряду с «150 000 000» Маяковского и «Главной улицей» Д. Бедного была одним из первых советских произведений, проникших в Болгарию. В воспоминаниях современников о ней говорится как об «истинном откровении», «первой поэтической школе» и «первом поэтическом документе» нового искусства²³. Показательно, что поэма была напечатана прежде всего литературным органом Коммунистической партии «Червен смях» (1920, кн. 3). Перевод был сделан Д. Осининым, при подготовке его к печати большую помощь оказал Смирненский, один из редакторов журнала. Номер журнала был посвящен предстоящим выборам, и потому опубликование в нем поэмы Блока имело особое, агитационное значение. Столь же актуальны были и более поздние переводы блоковских произведений Ив. Добрева, появившиеся на страницах комсомольского вестника «Младеж» (1922, № 3), в пятую годовщину Октябрьской революции.

Большой известностью пользовался в то время перевод Гео Милева, фрагменты из которого были помещены первоначально в журнале «Везни» с примечаниями переводчика, выступившего под псевдонимом Г. Росимов. В следующем году поэма выходит отдельной книгой²⁴. Она вызвала переполох среди приверженцев модернистского искусства.

Широко распространяется в Болгарии стихотворение Блока «Скифы», имевшее несколько переводов. Наиболее известный из них принадлежит

поэту Д. Полянову. Позднее, в преддверии второй мировой войны, блоковские «Скифы» станут еще более близки болгарскому читателю, который прочтет их в переводах самых разных поэтов²⁵.

Вместе с известными послеоктябрьскими произведениями Блока на болгарский язык переводятся лучшие образцы его предреволюционной лирики. Один из ревностных популяризаторов русского поэта в Болгарии — Н. Хрелков в журнале «Везни» (1921, № 1) печатает перевод цикла «На поле Куликовом», а в журнале «Листопад» (1921, № 11) под общим заглавием «Песни за родината» помещает переводы стихотворений «Осенний день», «О доблестях, о подвигах, о славе...» и др. В символистском издании «Хиперион» (1922, № 1) появляются выполненные Хрелковым сокращенные переводы «Балаганчика» и эпилога к «Двенадцати». Стоянов переводит для того же журнала «Ночную фиалку» (1924, № 1). В нескольких переводах выходит известное стихотворение Блока «Незнакомка»²⁶ и ряд других стихотворений²⁷.

Произведения Блока появлялись не только на страницах периодической печати, но и выходили отдельными изданиями. Одновременно с переводом Гёо Милева, одним из первых, изданных за рубежом, поэма «Двенадцать» печатается Русско-болгарским книгоиздательством на русском языке²⁸, в болгарском переводе выходит книга статей Блока под названием «Россия и интеллигенция»²⁹, дважды (1922, переводчик Г. Драганов; 1928, переводчик Б. С. (Ст. Мокрев) переводится драматический диалог «О любви, поэзии и государственной службе».

В собрания любовной лирики «Антология на жълтата роза» (1922) и «Антология на червената роза» (1940), составленные Г. Милевым, включены ранние стихотворения Блока из сборника «Стихи о Прекрасной Даме», переведенные К. Зидаровым. Мобилизующую роль в канун Сентябрьского восстания приобретает революционная антология «Кръщение с огън и дух» (1923), составленная в это время Г. Милевым. В числе помещенных в ней стихотворных произведений советских авторов — отрывки из поэмы «Двенадцать». Еще большей революционный резонанс имела известная антология Хр. Радевского «Антология на съвременната руска поезия» (1938), в которой Блок представлен стихотворением «Скифы».

Значительную роль в процессе восприятия Блока в Болгарии сыграли оценки его творчества критикой. Отметим здесь прежде всего статьи в партийных органах. Еще в 1921 г. журнал «Ново време» (кн. 9) печатает перевод отрывков из статьи П. С. Когана «А. Блок и революция. Памяти поэта» («Печать и революция», 1921, № 2, с. 3—7), а год спустя в журнале «Работнически вестник» появляется статья видного болгарского социалистического деятеля Г. Бакалова «Поема за руската революция», в которой творчество Блока рассматривается как новый этап в русском литературном развитии. «Блок не был бы поэтом, если бы не видел в революции поэмы, творимой миллионами. Душа романтическая, жаждущая новых святых дел, рвущаяся сквозь бури и пламя, он воспринял революцию как великое обновление. Каковы бы ни были его взгляды, его пленяли крайние цели», — пишет критик-марксист³⁰. В том же духе высказывались Д. Полянов в журнале «Наковалня» (1926, № 46) и Т. Генев (псевдоним — Меруда Хорали) в обзорной статье «Октомврийската революция и руската художествена литература», помещенной в антифашистском журнале «Ведрина» (1926, № 36). Интересно также и то, что в журнале «Пролетарски приятел» (1924, № 18) мы находим известное выступление А. Толстого, посвященное памяти Блока. Актом глубокого уважения к русскому поэту со стороны болгарских писателей было присутствие на похоронах Блока поэта Кр. Кюлявкова, являвшегося в то время делегатом болгарских комсомольцев на очередном конгрессе Коминтерна³¹.

Показателен и тот факт, что творчество Блока находит отклик в ряде изданий, связанных с символизмом, когда авторы хотя бы выразить свое изменившееся отношение к проблемам искусства. Так, на страницах журнала «Везни» Г. Милев помещает по поводу смерти поэта статью «Александър Блок», в которой многозначительно пишет: «Блок — это не только Блок,

БЛОК.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

София, 1973

Суперобложка по рисунку Р. Скорчева

Блок — это Россия»³². В ней Г. Милев впервые говорит о русской революции, называя ее «страшной, грозной и спасительной». Он видит в ней символ великого освобождения человечества. Здесь же он ставит вопрос о новом содержании искусства, о месте поэта в общественной жизни. Всмотриваясь в судьбу Блока, недавний защитник чистого искусства утверждает, что именно революция делает творчество великих поэтов «нужным, непосредственным, великим и сильным»³³. Характерно, что в той же книжке «Везни» Г. Милев обращается к болгарскому читателю и сообщает о новом направлении журнала, а непосредственно после этого в «Воззвании к болгарскому писателю» он занимает позицию противника «бесцельного искусства» и ратует за обращение к человеку как к объекту искусства. О приобщении к революции говорит и Л. Стоянов в своей статье о русском поэте, помещенной в журнале «Хиперион». В ней он называет Блока «пророком крушения старого мира» и «предвестником новой культуры»³⁴. К таким же восторженным ценителям Блока относятся и Ламар (псевдоним Л. Маринова),

выступивший со статьей о Блоке в журнале «Новис» (1929, № 1).

Интерес к автору поэмы «Двенадцать» со стороны широких общественных кругов породил и злобную кампанию против него. Развернулась полемика о Блоке, одном из самых сложных поэтов эпохи. В то время газета «Слово» опубликовала воспоминания З. Гиппиус, уличавшей поэта в «нелояльности» к России и отмечавшей его разочарование в большевиках. Достойную отповедь этим выступлениям дал Г. Цанев (псевдоним — Ив. Младенов) в специально написанной статье «Падението на Александър Блок», напечатанной в журнале «Работнически вестник». «Не из ненависти к большевикам, а из любви, непонятной и чуждой Гиппиус и компании, любви к делу русского народа, Блок остается в России и решает разделить с ней горчайшие часы, несмотря на свою болезнь»³⁵, — пишет автор статьи, защищая поэта-патриота. Болгарская буржуазная печать публикует ряд статей, отличающихся тенденциозным подходом к творчеству поэта. Среди них — «Рыцарят на Прекрасната Дама» («Златорог», 1924, год. II, № 7), «Трагедията на естета Блок» («Ново звено», 1923, № 1), «Александър Блок» («Изток», 1926, № 2). В этих статьях творчество Блока интерпретируется в идеалистическом духе, лишь как отражение «вечной мудрости» и «вечной женственности». Со свойственной ему революционной страстностью Г. Бакалов справедливо отверг подобные толкования Блока, о чем он пишет в своих полемических статьях, помещенных в журнале «Нов път» и направленных против «златорожцев» и молодых поэтов, сотрудничавших в издании «Ново звено» (1923, кн. 4; 1924, кн. 14). Такая острая борьба вокруг Блока в период напряженной подготовки Сентябрьского восстания становится своеобразным выражением противоборствующих тенденций в болгарской литературе.

С неослабевающей остротой спор о Блоке продолжался и в период фашистской диктатуры. В ряде статей — «Трагедията на А. Блок» («Литературен свят», 1935, год. 1, кн. 8), «Религиозната драма на А. Блок» («Театър и публи-

НЕПОЗНАТАТА

Тух всяка вечер над докалите
се стели въздух гъст и глух
и властва в глъчката на залиге
разтленно-пролетния дух.

А там далече, сред безбурната
крайградска скука, в прашен здрач,
златист кравай блести над фурната
и се дочува детски плач.

И всяка вечер, там, зад прелеза,
бомбета киднали встрани,
конгета дамчки повели са
през трапнища и тъмнини.

Кокетка нейде писва глезено,
весла скриптят сред тишина
и в плъткото простащо езеро
блести безсмислена луна.

БЛОК. ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

София, 1973

Страница стихотворения «Незнакомка» с иллюстрацией Р. Скорчева

ка», 1934, год. 1, № 3), «Поет на безнадежната скука» («Зора», 1936, год. III, № 5132) — нашла выражение ненависть не столько к самому поэту, сколько ко всему советскому строю. В корне противоположным было отношение прогрессивной критики к Блоку, считавшей поэта одним из зачинателей советской литературы. Тон подобных оценок задавала пролетарская литературная критика. В статье, посвященной памяти Блока и опубликованной в «РЛФ», Хр. Радевский рассматривает поэта как союзника рабочего класса. В духе новых задач приобщения всех демократических сил к антифашистской борьбе автор статьи пишет: «Блок единственный искренне сочувствовал пролетариату, который вследствие этого относится к нему с должным уважением»³⁶. Прогрессивный литературный критик и общественный деятель В. Александров также положительно оценивает наследие русского поэта («Мисъл», 1936, № 6).

Немаловажное значение для понимания поэзии Блока имели переведенные на болгарский язык воспоминания и статьи о нем видных советских писателей и литературоведов. Это — мемуары К. Чуковского («Щит», 1933, год. I, № 4), В. Маяковского («Лик», 1936, год. III, № 30), И. Эренбурга («Час», 1937, год. II, № 2) и особенно обстоятельная статья А. Лаврецкого («Брод», 1936, год. I, № 6). Долгое время наша интеллигенция судила о произведениях Блока по известным словам Маяковского, сказанным после смерти поэта: «Творчество Блока — целая поэтическая эпоха»³⁷. Таким образом, болгарская печать убедительно подтвердила активное участие автора поэмы «Двенадцать» в идеологической борьбе эпохи.

В данном аспекте представляет интерес и другая сторона процесса распространения творчества Блока в Болгарии, которая связана с устным исполнением его произведений. Он был одним из тех советских поэтов, чьи стихи наряду со стихотворениями Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Маяковского часто декламировались на литературных вечерах, встречах; конспиративных собраниях и в тюрьмах. Крылатый стих его октябрьской поэмы, как свидетельствуют

современники, воодушевлял борцов революции на трудный бой. Один из участников Сентябрьского восстания, М. Темнялов, вспоминает: «И в сентябре 1923 г., когда наше село Гложене поднялось на вооруженное восстание, Х. Мазаджиев и я, шагая светлой сентябрьской ночью, декламировали:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Это были счастливые, незабываемые дни: от радости мы как будто не шли по земле, а летели»³⁸.

В нелегальных условиях поэма Блока использовалась в определенных политических целях. По свидетельству поэта-коммуниста Н. Ланкова, поэма «Двенадцать» в переводе Г. Милева распространялась в тюрьмах и была включена в антологию, составленную самими заключенными³⁹.

Накануне и во время второй мировой войны очень часто декламировались «Скифы». В условиях жестокого цензурного режима пророческие слова поэта о будущем России и славянства служили символом веры в близкую победу народов над фашизмом. Этим объясняется и частое упоминание имени Блока на нелегальных собраниях. Кр. Пенев указывает, что в Кюстендиле во время одного из процессов над молодежью в качестве обвинения выдвигалась декламация «Скифов». Он же вспоминает о нелегальном собрании в Люлине, где также читалось это произведение⁴⁰.

Блоковские «Скифы» быстро вошли в репертуар видных болгарских артистов, популяризаторов русского художественного слова. Любимыми стихотворениями народного артиста Н. О. Массалитинова, как он сам вспоминает, были «Россия» и «Скифы», которые исполнялись им в различных областях страны⁴¹. С высоким гражданским пафосом исполнял «Скифов» на различных художественных вечерах, организованных Болгаро-советским обществом, и В. Трандафилов, за что подвергся преследованию. М. Марчевский рассказывал об этом: «В 1941 г. в салоне Учительской кассы группа прогрессивных писателей устроила вечер, на котором присутствовали я, Н. Ланков, В. Трандафилов, А. Камбуров и другие. Трандафилов читал „Скифов“ Блока в переводе Кр. Пенева. Все были взволнованы. Воодушевление и шум в салоне послужили поводом для инцидента. Политический агент попытался прекратить чтение под предлогом того, что не спели „Царского гимна“. Трандафилов, однако, не прекращал выступления, сопровождаемого аплодисментами слушателей»⁴². Сам же В. Трандафилов в письме под названием «Блок перед военным судом в Болгарии»⁴³ сообщал, что использовал декламацию стихотворения в политических целях.

Все это свидетельствует о том, что распространение революционной поэзии Блока в Болгарии не укладывается в обычное понятие популярности. Его стихи выполняли высокую общественную миссию.

3.

БЛОК И ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ БОЛГАРСКИХ ПОЭТОВ 20-30-х ГОДОВ

Сходство исторической действительности и культурного развития двух стран обусловило силу и степень воздействия Блока на болгарских писателей, а это, в свою очередь, послужило поводом к усилению уже существовавших в их творчестве новых тенденций. На общей типологической основе отчетливо

ИЗ «ИТАЛИАНСКИ СТИХОВЕ»

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit at finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.*

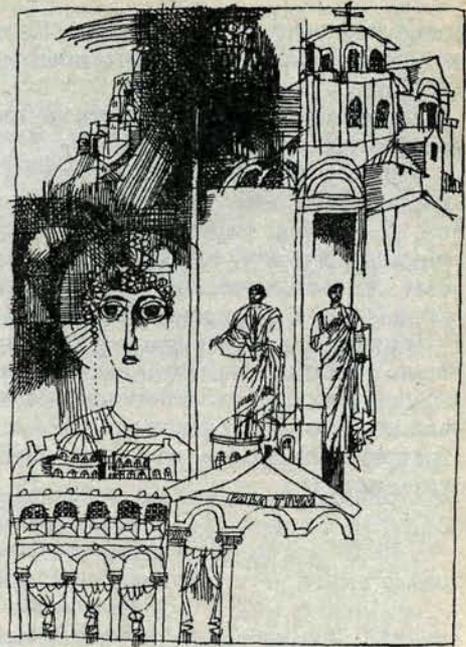
Надпис под часовника в църквата
«Santa Maria Novella» (Флоренция)

РАВЕНА

Ти всичко временно и тленно
през вековете скри в пръстта.
И спиш като дете, Равена,
на дланите на вечността.

Не вкарват роби през вратата
мозайка вече в този град.
Догаря стенната позлата
във храмовете, пълни с хлад.

* Така неизбежно годините мнозина унищожават,
така завършва всичко истинско в света;
Уи, уи, невъзвратно е отминалото време,
Уи, смъртта бърза с нечути стъпки. (лат.)

БЛОК. ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

София, 1973

Страница стихотворения «Равенна» с иллюстрацией Р. Скорчева

выясняются и историко-генетические связи как конкретное проявление того «всеобщего», которое, по словам Ленина, «воплощает в себе богатство особенного, индивидуального и отдельного»⁴⁴.

Переломная эпоха, в которую Блок создавал свои революционные произведения, новаторский дух и принципы его поэзии обусловили большой диапазон творческих контактов, которые возникали между ним и известнейшими представителями болгарской поэзии. Переход такого большого, снискавшего мировую известность поэта на сторону революции — факт огромного общественного значения, который доказывал притягательную силу освободительных идей, открывал новые горизонты поэтического творчества⁴⁵. Говоря об отношении болгарской интеллигенции к русской революции, Л. Стоянов отмечал: «Борьба за или против существовала в сознании всякого интеллигента, и требовался лишь незначительный толчок, чтобы склонить сознание к желаемому решению; следует указать, что в тех случаях, когда решение оказывалось положительным, поэма «Двенадцать» играла огромную и в определенном смысле революционную роль. Многие молодые поэты видели, что правильный путь развития именно тот, которым шел Александр Блок»⁴⁶.

Активное восприятие творчества Блока, о чем говорилось выше, связано с двумя процессами, происходившими в болгарской литературе того периода: угасанием модернизма как течения и переходом наиболее прозорливых его представителей на революционные позиции, с одной стороны, и утверждением формирующегося социалистического искусства — с другой. По сравнению с предыдущим этапом (период до первой мировой войны) значение Блока для болгарской поэзии значительно возрастает. Для второго этапа характерно соприкосновение с различными сторонами творчества Блока не отдельных поэтов какого-то одного, ограниченного в своих задачах литературного направления, а широкого круга поэтов различных направлений, которые

воспринимают и развивают дальше революционно-романтическое начало блоковской поэзии в зависимости от своих собственных эстетических идеалов.

Далее мы остановимся на общих принципах, характере и специфике творческого усвоения Блока.

Пример жизни и деятельности Блока крайне благотворно отразился на творчестве таких художников, как Хр. Ясенов, Э. Попдимитров, Л. Стоянов, Г. Милев, переживавших аналогичный процесс освобождения от индивидуалистической замкнутости, модернистских канонов и приобщения к новому демократическому мироощущению. Этот «переход» на другой берег осознается как веление времени и приверженцами символизма, например Т. Траяновым. В своем «Пантеоне» (1934) наряду со стихами, посвященными наиболее выдающимся современным поэтам, он помещает уже упоминавшееся нами стихотворение «Новият иконостас» с многозначительным подзаголовком «На Александър Блок, великия бард на революцията и рицар на Прекрасната Дама», отражающим его представление о разноликой музе русского поэта:

Когато нощем най-вилнеят
фъртуни в света свиреп
на бърза тройка бяла фея
препуска низ безкрайна степ.
Звънят звънците многогласни,
надзвънват хаостния рев
и дълго за пеща прекрасни
разказва сънният напев.

Какво му казва тя тогава
с какво го скритом закълна?
Защо над вечната му слава
пращят червени знамена?
С каква неземна литургия
той чу пророка в своя глас
и за душата на Русия
издигна нов иконостас...

Глубокий смысл кроется в финале стихотворения, где в качестве поэтических героев появляются двенадцать блоковских апостолов революции:

И днес тя три пъти целуна
пред кръста снежната земя,
и бавно бясната фъртуна
благоговейно занемя,
дванадесет звезди огряват
над кръста, в купола дълбок,
дванайсет сенки се изправят,
икони с погледа на Блок.

Вся образная символика стихотворения подчинена цели выразить преклонение перед новой правдой, возвещенной Блоком в его поэзии. Искренняя взволнованность и лирическая наивность заставляют стихотворение звучать как исповедь, сообщающую о собственных прозрениях Траянова. То, как он принял творчество Блока, отрекшись от собственного кредо, характерно для исканий целого поколения болгарских писателей.

Для всех поэтов, которые интенсивно читают и переводят революционную поэзию Блока, характерно типологическое сходство с ним в области формирования новых эстетических идеалов. Эти эстетические идеалы, воплощенные в образе нового положительного героя эпохи, выражаются прежде всего во взгляде на личность как на частицу коллектива, в отказе от субъективизма

и отчуждения. Характерен в этом отношении эстетический перелом, происходящий с лирическим героем Хр. Ясенова. Певец по-бальмонтовски нежных красок и ароматов, настороженно относящийся ко всему житейскому, он сам разрушает свои символистские иллюзии:

О, късен час на мойто късно лято!
 О, час на моя бунт неизживя!
 Аз сам запалих замъка
 и ето, рушат се стените върху мен.

Этот «великолепный героический жест» (по выражению Т. Павлова) приводит поэта впоследствии на баррикады революции.

Рождение нового общественного сознания драматически запечатлено в творчестве Э. Попдимитрова, понимавшего, что боль романтических страданий несоизмерима с ценой крови убитых:

Аз ида с народа
 и дето убиват да бъда убит.

У Л. Стоянова идейное созревание протекает довольно длительное время, но зато потом осознание необходимости быть с народом, ведущим социальную борьбу, проявляется в его творчестве с огромной силой. В стихотворении «Не мога без хора» он безоговорочно заявляет о слиянии с массами.

Наиболее ярко процесс самоотречения и «бунт» воплощены у Г. Милева в образе легендарного попа Андрея из героической эпопеи «Септември», который сам направил дуло орудия на храм господен.

Эволюция эстетических идеалов в революционном направлении тесно связана с осознанием той важной истины, что народ является главным героем исторического процесса. Обращение большей части болгарских символистов в решающий час истории к борьбе народных масс стало основным фактором, обусловившим полный крах концепций автономности литературы от общественной жизни, идеи искусства для избранных. «Башни из слоновой кости пали, из праха мечтаний, из-под обломков фантазий встает поэт, пробужденный, ошеломленный, изумленный и видящий перед собой окровавленный лик Народа», — пишет Г. Милев⁴⁷. Происходит осмысление задач поэзии с позиций революционного народа. Первым воспел эпохальную победу русской революции и ее рядовых участников Хр. Ясенов в своей революционной кантате «Петроград» (1918):

И ти стоиш сега над хиляди съдби,
 символ на крепката десница неуморна,
 и не един напад по тебе се разби,
 и не една вълна престъпна и позорна.

Одновременно сатирически изобличаются враги революции — «орда преступная и пьяная», как и в «Скифах» Блока.

Утверждая идею интернационального значения русской революции как защитницы народной правды, Ясенов положил начало традиции, подхваченной такими выдающимися пролетарскими поэтами, как Смирненский, Вапцаров и др.

В другом аспекте предстает тема революционного народа в поэме Э. Попдимитрова «Русия» (1920). Обычно принято считать, что в этом произведении наряду с влиянием творчества Блока ощущаются интонации, близкие к поэзии А. Белого⁴⁸. С поэмой «Двенадцать» произведение Попдимитрова сближают замысел и построение. Он утверждает революционное действие как возмездие старому миру и показывает истинного героя революции — народ. Главное идейно-художественное новшество поэмы, которое ставит ее в один ряд с поэмой Блока, состоит в том, что автор спонтанно приходит к пониманию

СЛАВЕЕВА ГРАДИНА

I

Аз разбивам скали наслоени
в час на отлива, долу в калта.
Мойто конче, от труд уморено,
ги пренася на гръб в утринта.

Щом достигнем желязната линия,
в куп ги сложим — към морския бряг
пак косматото конче замице
и изцвили то весело пак.

Вика то и тръби, пълно с радост,
че се връща тъй леко назад.
А край пътя зад тежка ограда
се простира градина във хлад.

По оградата дълга, чудесна
срещу нас много рози дъхят.
Пяат славеи весели песни
и потоци все нещо шептят.

БЛОК. ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

София, 1973

Первая страница поэмы «Соловьиный сад» с иллюстрацией Р. Скорчева

роли народа как творца собственной судьбы:

От полюси ледни
до сини Кавказ
апостоли бледни
светата ти пръст
изходиха пряко на пръст
и в късния час

възторжени химни
запяват сурови
и в рудници земни
разбиват окови
дълбаят сърцето
на вечната Рус...

Несмотря на абстрактность некоторых ситуаций и образов, а также на приглушенность героического пафоса и акцентирование темы страданий и жертв революции, поэма свидетельствует о демократизации общественных взглядов поэта.

Наиболее полно процесс революционизации сознания писателей проявился в творчестве Г. Милева. Исторические события, происшедшие в Болгарии в революционном 1923 г., воплощены Г. Милевым в его величественной народно-героической поэме «Септември». В ней автор художественно отражает процесс слияния личности с народными массами. С Блоком его сближает понимание революции как эпохи роста и духовного возмужания народа-героя в процессе борьбы: оба поэта показывают революционный народ с точки зрения формирования его исторического самосознания. Герои Блока — двенадцать красногвардейцев — в конце поэмы уже не «голытьба», а «рабочий народ», полновластный хозяин жизни, который «державным» шагом идет вперед. А у Г. Милева:

Страхотни
неудържими
велики
НАРОД.

Но автор поэмы «Септември» в ряде случаев видит и конкретные цели борьбы за победу идеалов будущего справедливого общества, что определило новизну его творческого метода.

Новые эстетические идеалы эпохи связаны с такой величественной идеей, как всеобщее освобождение человечества. Гуманистическая идея духовного обновления человечества интерпретируется поэтом в духе тогдашних эстетических исканий как религиозное воплощение высшей человеческой справедливости. На этой основе и возникает в поэме Блока образ Христа. Революционный смысл этого образа-символа у Блока, который отнюдь не исчерпывается эстетикой и поэтикой символизма, достаточно аргументированно объяснен в советском блоковедении.

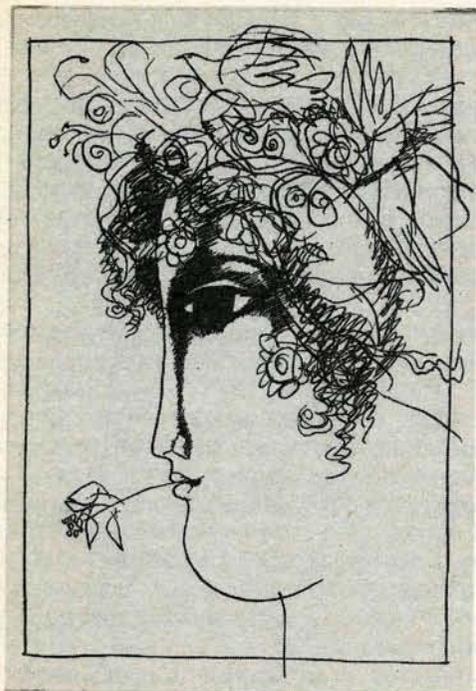
Показательно, что этот образ находит различные толкования и переосмысления у болгарских поэтов в зависимости от их собственной творческой эволюции. Так, например, в поэме Э. Попдимитрова «Русия», в которой имеются элементы мистического идеализма и мессианизма, образ Христа, развиваясь в рамках традиционной символики, достигает высокой религиозной патетики («И вот из мрака входим под огненные ризы Иисуса!»). У Г. Милева этот образ претерпевает конкретное изменение в связи с процессом идейно-политического становления поэта. Сначала в своих примечаниях к переводу «Двенадцати», помещенному в журнале «Везна», Милев толкует образ Христа в поэме как чисто религиозный символ. Он пишет, ссылаясь на Блока, что в душе народа «кипит злоба, черная злоба, тяжелая злоба, но и крепка уверенность в святости исконного начала»⁴⁹.

Но революционная борьба, разгоравшаяся в Болгарии и переживаемая поэтом с огромным духовным напряжением, требовала иного видения этого образа. В самом начале своей поэмы Милев словно вступает в полемику с собственными взглядами, которых придерживался до настоящего времени:

Нощта ражда из мъртва утроба
вековната злоба на роба:
своя пурпурен гняв —
величав.

Здесь поэт выражает понимание революции как трудного и святого дела («О боже, подкрепи свещеното дело на грубите черни ръце»). Но скоро отдельные выражения в духе общей гуманистической идеи начинают звучать уже только как поэтическая стилизация («С нами бог!», ср. у Блока: «Господи, благослови!»). Главная идея Милева заключена в том, что перед величием революции бог становится мертвым, ненужным каноном, помехой в завоевании свободы. И поэт его отвергает: долой бога! Идея богоборчества⁵⁰ получает персонифицированное выражение, как мы уже видели, в образе попа Андрея и включена поэтом в политический идеал будущего общества «без бога, без господ» (ср. у Блока подобное выражение: «Эх, эх, без креста!», представляющее собой одну из деталей характеристики героя из низов). В творчестве Г. Милева, исходящего из связи идеи бога и идеи революционного подвига, происходит следующая эволюция: идея — анти-идея — сверхидея, в результате которой гуманистический идеал, воплощенный в образе Христа, сливается с высшей народной правдой. Художественная идея как бы возводится в более высокую степень.

Близость к Блоку поэтов революционного направления, внесших новое, социалистическое содержание в эстетический идеал, имеет свою специфику. В этом плане особенное место принадлежит поэзии Хр. Смирненского. В данном случае речь идет не о той стороне поэтического творчества Смирненского, которая сближает его с символизмом или отдаляет от него (этого было бы уместно коснуться при рассмотрении его поэтики), а о совершенно новом мироощущении поэта. Новый исторический этап в формировании самосознания предопределяет у Смирненского ту четкость эстетических и общественных идеалов, которая делает в его понимании победу революции близкой и осяза-

БЛОК.
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

София, 1973

Иллюстрация Р. Скорчева

символизирует силу и непреодолимость социалистических идей, захвативших массы («Ах, летите эскадроны!»), а в твердой поступи блоковских красногвардейцев, шагающих в ночи по приказу революции («Вперед, вперед, вперед, рабочий народ!»), опозитизировано неудержимое движение революции.

Близка у обоих поэтов оценка старого мира, которому революция приносит беспощадный приговор. У Смирненского, как и у Блока, интересна поэтическая антитеза, которая строится на героико-романтическом утверждении революции и сатирическом отрицании сил реакции. В своем стремлении подчеркнуть историческую несовместимость двух миров они создают два близких по замыслу обобщенно-аллегорических образа старого мира. У Блока это образ «паршивого пса» в поэме «Двенадцать», у Смирненского — образ хищника-буржуа, выведенный в стихотворении «Вълк»:

А старий вълк, а старий свят
отива да си легне гузен и пиян.

Несмотря на то что у Блока поэтическое обобщение поднимается до символа, а у Смирненского сохраняются реальные черты образа, идейная функция указанных образов одна и та же — разоблачение бесчеловечной природы эксплуататорского строя, предсказание его неизбежной гибели.

В поэме «Двенадцать» этому образу противостоит высокое духовное начало революции, воплощенное, как мы уже видели, в символическом образе Христа. У Смирненского тоже есть подобный образ, олицетворяющий святость революции. Например, в стихотворении «Русия» читаем:

И струи Прометей своя мълниен пламък
през синия взор на Христа.

емой. Он почти зримо ощущает, как огнедышащая буря Октября сметает все старое на своем пути, как в гигантском поединке гибнет отживший строй и поднимается новое общество. Отсюда яркая контрастная образность его произведений, их масштабность и высокий порыв. Героическая романтика, жажда революционного подвига пронизывают все творчество Смирненского, особенно цикл, посвященный Советской России: «Северно сияние» (1920), «Москва» (1924), «Северния Спартак» (1924), «Русия» (1922), «Руският Прометей» (1922), «Съветска Русия» (1922). Этот цикл, который можно рассматривать как своеобразный героический эпос революции, близок Блоку не только тематически, но и внутренним пафосом. Напомним слова Блока о революции — «грозовом вихре», «снежном буране», который «всегда несет новое и неожиданное», о ее «грозном и оглушительном гуле» (VI, 12). У Смирненского сходное восприятие революционных событий. Само революционное действие понимается как победоносное, непреодолимое движение вперед. Головокружительный полет красной конницы у Смирненского

Этот образ переходит в те его произведения, где показан трудный путь пролетарской борьбы. В стихотворении «Три години» изображена советская столица с «терновым венцом на голове», а в стихотворении «Юноша» — чело-веческий дух в «терновом венце». Но, как правильно замечают исследователи Смирненского, использование библейских образов было типично для духа всей тогдашней пролетарской поэзии⁵¹. Так, идею Христа-бунтаря, провозвестника нового мира — третьего Рима, лишённую всякого религиозного содержания и восходящую к народной средневековой и атеистически-просветительской литературе, мы встречаем и у пролеткультовских поэтов того времени. Но по отношению к Смирненскому мы вправе говорить о создании нового действительного образа: для него «мессия новых дней» — именно рабочий класс, являющийся носителем подлинно революционного гуманизма. Неслучайно стихотворение «Работник» помещено в одном цикле со стихотворением «Вълк», и, таким образом, духовно мертвый буржуа противопоставляется духовно растущему пролетариату.

В образах блоковских красногвардейцев впервые в мировой поэзии отражен тот огромного значения исторический процесс, когда движущей силой истории становятся массы. Блок показал пафос их тяжелой борьбы, которая велась во имя высокой цели, которая и сделала их настоящими героями:

...И идут без имени святого
 Все двенадцать — вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...
 Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулочки глухие,
 Где одна пылит пурга...

Смирненский, чувства и помыслы которого неразрывно связаны с «бесчисленными толпами» «восставших рабов», первым в болгарской литературе героизирует их беспримерный подвиг. Исключительную революционную самоотверженность и жертвенность новых героев он воплотил в стихотворениях «Йохан», «Роза Люксембург», «Карл Либкнехт» и др.

В этих героях Смирненского, как и у Блока, нет ничего общего с отвлеченными, космическими образами пролеткультовской поэзии, в которой действовала безликая масса и давались не живые, а абстрактные картины жизни. Романтическая героизация, масштабность острых столкновений сил нового и старого мира придают героям обоих поэтов черты монументальности и величия. Впоследствии эти образы как в болгарской, так и в советской литературе индивидуализируются, строятся в соответствии с требованиями новой фазы литературного развития.

Обратимся теперь к раскрытию сходных моментов в творчестве русского поэта и ряда поэтов, продолжателей традиций Смирненского, знавших и любивших поэзию Блока: А. Разцветникова, Н. Фурнаджиева и А. Каралийчева⁵². В обстановке реакции, наступившей в стране после первого в мире антифашистского восстания, на передний план выступают трудности борьбы, переживаемые Болгарией. В раскрытии революционного идеала близким союзником болгарских поэтов стала патриотически-героическая лирика Блока, представленная циклом «На поле Куликовом». И это не случайно. Историческая битва русских с татарами — первая победа над врагом в многолетней борьбе за национальную независимость — в определенном смысле ассоциировалась с начавшейся в Болгарии борьбой с фашизмом, в которой болгарский народ, как известно, нанес ему первое поражение. Блок обобщает свой замысел, — в его изображении река Непрядва олицетворяла границу между силами прогресса и разрушения, а само сражение стало символом бессмертия народа:

В ночь, когда Мамай залег с ордою
 Степи и мосты,
 В темном поле были мы с Тобою,—
 Разве знала Ты?
 Перед Доном темным и зловещим,
 Средь ночных полей,
 Слышал я Твой голос сердцем вещим
 В криках лебедей.

В период кровавых расправ с восставшими в Болгарии образ растоптанной и страдающей родины у Н. Фурнаджиева, как и у других поэтов Сентября, получил особый смысл и значение. В стихотворном цикле Фурнаджиева «Пролетен вятыр» мы находим некоторые известные фольклорные образы Блока, развитые в иной изобразительной форме.

В творчестве упомянутых поэтов происходит и своеобразное освоение демократической христианской идеи, воплощенной в блоковской поэме. Эта идея получает другие очертания, пронизывается высоким гражданским пафосом. В этом же плане следует рассматривать и сходную тенденцию (введение литургических моментов) в живописи и музыке того времени. Характерна поэзия А. Разцветникова и особенно стихотворный сборник «Жертвени клади» (1924), написанный непосредственно в дни национального потрясения. В нем поэтически синтезированы революционное самоотречение отдельной героической личности, самопожертвование, принявшие всенародный характер. В одном из наиболее значительных в идейном отношении стихотворений сборника «Предтечи», изображающем расстрел взбунтовавшихся болгарских солдат на южном фронте в 1918 г., автор вводит известный блоковский мотив Христа:

И сгушени войниците по двама
 възвиваха в своя път обратен пак
 И бледният Христос единчък само
 целуна тих заровената яма
 и капчиците кръв по белия снег.

В отличие от Смирненского и Г. Милева Разцветников развивает этот традиционный мотив в особом плане: сознательно приземляя Христа, он делает его участником народных страданий, как это было в древнем апокрифе «Хождение богородицы по мукам», наделяя его определенной социальной функцией.

В период фашистского террора характерной особенностью сентябрьской поэзии стала иносказательность и тяготение к балладной форме. Эта особенность нашла синтетическое выражение в творчестве Н. Хрелкова. В его эстетическом идеале интересно сочетаются прошлый опыт поэтов-символистов с социалистическим мироощущением. Эти две линии проходят и через его отношение к Блоку, «любимейшему» его поэту. Хотя поэты, подобные Хрелкову, типологически близки и Есенину, сходство с Блоком является преимущественным. Оно основано на глубоком убеждении в непобедимости народа, который в дни суровых испытаний набирает силу и становится кузнецом своего будущего, вопреки временному поражению.

Народное, патриотическое начало стихотворений Блока, посвященных России, имеет ключевое значение для понимания поэзии Хрелкова 1920-х годов, насыщенной яркими картинами народного восстания. Это начало полифонически развито в ряде стихотворений, посвященных сентябрьским событиям: здесь и «буйный всадник», который пробуждает своим топотом затихший город («Разгром»), и красные облака, и кровавые закаты, нависшие над страной («Родина»), «Баллада за три сестри»), и огненные стрелы, предвещающие конец роковой битвы («Видението на копачите»). Особенную ассоциацию вызывает использование характерного для Блока образа белых лебедей — символа русской силы и национального духа. Все эти образы, созданные в единой поэтической манере, внушают твердое чувство уверенности в буду-

цей народной победе и поддержке братской русской земли. В поздней лирике юэста в обстановке надвигающейся мировой войны содержание эстетического идеала получает новый масштаб — судьба родины соизмеряется с борьбой за освобождение всего человечества. И что особенно важно, поэзия Хрелкова проникнута верой в победу, которая уже не есть романтическая мечта, но зеление времени. В одном из лучших циклов Хрелкова «Деветнят талаз» юэстическое предсказание грядущей революции звучит в блоковской тональности:

То ще бъде
камбаният
сетният
бой
старият свят ще се гърчи
в смъртта си
червена.

Новыми закономерностями отличаются связи болгарской поэзии с Блоком на следующем историческом этапе — от начала 1930-х годов до народной победы в 1944 г. Сложные процессы, которые совершались в литературе этого времени, отразили борьбу народа за социальную справедливость, против фашизма и готовящейся войны, что обусловило появление новой тематики, нового эстетического идеала, нового лирического героя. Принципиально новым в понимании личности и общества стало не трагическое противопоставление человека общественной среде, а возвышение личности до героического пафоса эпохи. На фоне этих изменений обращение к Блоку в болгарской поэзии принимает особый характер.

Специфическое преломление получило наследие Блока прежде всего у наиболее значительных представителей революционно-пролетарской поэзии, задававших тон в литературе 1930-х годов: Хр. Радевского, Кр. Пенева, Мл. Исаева. В то же время не оказались чуждыми блоковскому гуманистическому идеалу и поэты общедемократической ориентации. Можно было бы назвать здесь лирические исповеди Е. Багряны, а также проникнутую национальным колоритом поэзию А. Далчева с характерным для нее образом родины. Однако этот вопрос заслуживает более обстоятельного рассмотрения.

Здесь же мы останавливаемся преимущественно на творчестве антифашистских поэтов, которые обращаются к революционной поэзии Блока. Характерным является то, что отношение к его творчеству, воспринимаемому в целом как революционно-романтическое, по существу, двойко. С одной стороны, болгарские поэты в силу своего последовательно-революционного мировоззрения вступают в своеобразную идейную полемику с трагическими нотами Блока, которые явились отражением противоречий его эпохи. С другой стороны, именно антифашистские поэты Болгарии смогли раскрыть и поднять на новую ступень традицию гражданской поэзии, воспринятую от Блока. В поэзии известного поэта-антифашиста Н. Вапцарова эта традиция прослеживается в отображении решающего конфликта политических идей, острейшей борьбы сил прогресса с силами разрушения. Есть определенное внутреннее родство с блоковской поэзией в принципах изображения Вапцаровым исторического поединка, в яркой тональности, с которой автор цикла «Моторни песни» обращается к главному виновнику человеческой трагедии — буржуазному миру. В стихотворении «Завод» Вапцаров пишет о тяжелой, безрадостной жизни:

Живот без маска и без грим
озъбено свирепо куче.

В общем русле с блоковскими «Скифами» находятся и Кр. Пенев («Буря над Европа», «Ноктюрно»), и Мл. Исаев («Поэма за винтовката»), и Ламар

БЛОК.
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ.
ИЛЛЮСТРАЦИЯ Р. СКОРЧЕВА

София, 1973
Обложка

(«Исток—Запад»). Гуманистический антифашистский пафос определяет и новый духовный облик лирического героя у этих поэтов, в котором сочетается твердость духа с богатством и глубиной переживаний. И здесь вновь их эстетический идеал переплетается с идеалами Блока. В этом отношении весьма показательна поэзия Мл. Исаева, в которой старая романтика противопоставляется новому жизнеутверждающему пафосу и смелому устремлению в будущее («Ведрина», «Човешка песен»). Герой Исаева типологически близок тому свободному, гармонично развитому человеку-творцу, о котором мечтал Блок еще в цикле «Вольные мысли» и в статье «Интеллигенция и революция». Тема родины раскрывается через интимные переживания, связанные, как и у Блока, с преданиями и легендами, придающими романтическую окраску этому собирательному образу («Болгария»). От этих новых тем, возникших в раннем периоде творчества Мл. Исаева, тянется нить и к его произведениям последних лет.

В плане преемственности важное место занимает жанровая традиция, идущая от Блока и его поэмы «Двенадцать»⁵³. Следует отметить, что она сочетается с влиянием стиля революционных поэм Маяковского и Д. Бедного. В этом плане новаторские достиже-

ния особенно целостно и ярко выражены в слиянии лирического и эпического, в постановке новых тем, отражающих большие события, в образах героев-участников этих событий, а также в новой архитектонике стиха.

К общей жанровой структуре блоковской поэмы, правда различными путями, подошли Э. Попдимитров, Г. Милев и Н. Хрелков. В поэме Попдимитрова «Русия» (1920), посвященной тому же эпохальному событию — Октябрьской революции, заметна аналогичная эволюция автора в направлении народной поэмы. Однако у поэта несколько иное представление о подвиге масс: большую часть действующих лиц составляют мученики революции и лишь меньшую — революционные борцы. Поэма иллюстрирует развитие лиро-эпического жанра с определенным доминированием лирического начала. Вместе с тем заметно обновление поэтики: отказ от классической строфы, введение белого, нерифмованного стиха.

Дальнейшее развитие этого процесса, переход в качественно новую фазу наблюдается у Г. Милева. В основе сюжета поэмы «Септември» (1925) — одно из величайших событий болгарской истории. Действия масс находятся на переднем плане, и это придало поэме, как и у Блока, эпический характер. Личность автора получила яркое выражение не в лирических отступлениях, как в поэме Попдимитрова «Русия», а в прямом участии в общественном конфликте и оценке событий, чем создается большое эмоциональное напряжение.

Наиболее характерной особенностью поэмы, также близкой Блоку, является-

ся усиление героики описываемого события: в ходе борьбы трагические интонации отступают перед идеалом грядущей победы.

Новые жанровые особенности отличают антивоенную поэму Н. Хрелкова «Среднощен конгрес» (1932), которая отразила драматизм на лавшейся во всем мире борьбы с фашизмом. Сочетание личного, народного и интернационального в ходе развития действия придает особый смысл эпическому изображению у Н. Хрелкова. Он находит удачное соотношение героико-романтического и реалистического начал. Подчеркнуто публицистический пафос (стремление говорить с широкой массовой аудиторией, характерное для манеры и послеоктябрьского Блока, и Маяковского) придает поэме необыкновенную заостренность в социальном контексте эпохи.

Широта распространения и глубина восприятия творчества Блока в Болгарии 1920—1930-х годов свидетельствуют о том, что Блок является не только одним из первых русских советских поэтов, принесших в Болгарию революционный пафос Октября, но и поэтом, который своим гражданским искусством участвовал в идеологической борьбе эпохи, проникая в психологию масс. Опыт Блока повлиял на эстетическое самоопределение значительнейших болгарских поэтов (Хр. Ясенова, Г. Милева, Л. Стоянова), содействовал углублению демократической направленности творчества поэтов Сентября (А. Разцветникова, Н. Фурнаджиева и др.), обогатил творческое видение величайших болгарских пролетарских и антифашистских поэтов (Хр. Смирненского, Н. Хрелкова, Мл. Исаева). Опыт Блока способствовал жанровому развитию болгарской поэмы в ее движении к более широкому охвату насущных проблем действительности.

Таким образом, стимулируя самобытные тенденции национальной болгарской литературы и участвуя в утверждении новых эстетических форм, блоковское творчество выполняло определенную формирующую и созидательную функцию.

4.

ПОЭЗИЯ БЛОКА В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРИИ

В современной болгарской литературе поэтическая традиция Блока снова актуализируется. Она привлекает высокими требованиями к художнику-творцу, идеалом духовного совершенства, напряженными исканиями истины и красоты в жизни. Вспомним завет Блока: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного, верить не в „то, чего нет на свете“, а в то, что должно быть на свете...» (VI, 14).

После освобождения Болгарии от фашизма в 1944 г. переводы Блока занимают достойное место в культурной жизни страны. Одна из первых книг, которую партийное издательство «Нариздат» выпускает, — это «Двенадцать» (1945) в переводе Димитра Осинина. А перед этим был напечатан перевод поэмы Кр. Йорданова в газете «Мир» (1944, № 847). Новый перевод блоковской поэмы, сделанный писателем Тодором Харманджиевым, включен в юбилейную антологию «Руска съветска поезия» (1957), посвященную 40-летию Октябрьской революции. В одной из более ранних антологий «Славянски поети» (1946), составленной Л. Стояновым, М. Грубешлиевой, Д. Пателеевым, Блок представлен переводами Л. Стоянова — «За подвизи, за доблести, за слава», «Отзвук на пролетта», «Русия» и Камена Зидарова — «Разбрах аз вичко», «Тя пееше с възторг», «Влизам аз бавно».

В журнале «Пламяк» 1958 г. помещены и переводы ряда других произведений: «Коршун» (перевод Дмитра Василева), «Осенняя воля», «На поле Куликовом» (перевод Дим. Бозакова), «Сытые» (перевод М. Грубешлиевой), «Возмездие» (перевод Мл. Исаева).

ПАНОРАМА *Александр Блок*
ДНЕВНИЦИ

НАРОДНА КУЛТУРА

БЛОК. ДНЕВНИКИ
Обложка болгарского издания

Значительным актом внимания и любви к великому русскому поэту явилось юбилейное издание «Избранные стихотворения и поэмы» (1960), осуществленное Младеном Исаевым в издательстве Союза болгарских писателей.

Это первое полное издание Блока в Болгарии⁵⁴.

В 1965 г. выходит сборник лучших произведений Блока («Библиотека советских поэтов») изд. «Народова култура», под редакцией Христа Радевского. В подготовке сборника принимали участие поэты разных поколений: тут и крупнейшие представители болгарской литературы 20—30-х годов Елизавета Багряна, Николай Фурнаджиев, Христо Радевски, Тодор Харманджиев и поэты нашего времени Първан Стефанов, Иван Радоев, Андрей Германов, Тихомир Йорданов. В последние годы осуществлено отдельное издание «Александр Блок. Избранные стихотворения и поэмы» (1973), изд. «Народна култура», под редакцией Мл. Исаева и с предисловием советского литературоведа Вл. Орлова. В него вошли уже известные, а также новые переводы ряда произведений. Блоковская октябрьская поэма переиздана

и в сборнике «Поэмы на революцията» (1971).

В наше время поэзия Блока становится предметом исследования не только в болгарской критике, но и в ряде литературоведческих трудов обобщающего характера — С. Русакиева, В. Колевского, Хр. Дудевского, Ив. Цветкова, П. Цонева, а также в аспекте сравнительного изучения — в работах автора настоящей статьи.

Неизменную любовь к Блоку лучше всего выражают болгарские поэты. В годы Великой Отечественной войны, например, многие из них посвящают вдохновенные произведения героической Советской Армии. Некоторые из этих произведений, такие, как «Европа» Ламара, «Двенадцатый час» Мл. Исаева и особенно «300 000 000» К. Пенева, своеобразно перекликаются с блоковскими «Скифами».

Если в первые годы после освобождения Болгарии наибольший интерес вызывает обличительная линия лирики Блока, то в более позднее время ощущается стремление как можно глубже постичь весь сложный мир его поэтических образов. Чувство органического слияния автора с родиной в духе Блока мы находим у Николы Фурнаджиева, который испытывал обаяние русского поэта еще в молодые годы. В сборнике стихотворений «Я шел по твоим дорогам» (1958) Н. Фурнаджиев рассказывает о своем пути к народу, куда он пришел после долгих блужданий.

Подобное же развитие темы видно в творчестве известной болгарской поэтессы Елизаветы Багряны, рано почувствовавшей покоряющую силу блоковской лирики. (Ее тяготение к Блоку начинается в период 1912—1916 гг., а затем ярко выражается в конце 20-х годов, во время создания сборника

стихов «Вечная и светая».) В одной из личных бесед с нами (1970) поэтесса говорила, что в некоторых поздних ее стихотворениях присутствует блоковский образ родной страны в виде бедной, ограбленной и измученной фашистскими порабитателями девушки, которая, однако, отстаивает свою свободу и достоинство. Она признается, что ей и сейчас близки поиски Блоком высокого идеала гармоничной личности, его драматическая борьба со всеми силами, которые затмевают «достойное звание — Человека»⁵⁵. В ее интересной книге в библиотеке «Болгарские переводчики», куда включены переводы виднейших поэтов мира, Блок представлен теми стихотворениями, которые наиболее близки ее творческой личности. Вот некоторые из них: «Когда замрут отчаянье и злоба», «Как тяжело ходить среди людей...», «Есть минуты, когда не тревожит...», «Нет, никогда моей и ты ничьей не будешь!», «Была ты всех ярче...», «Анне Ахматовой», переведены также стихотворения М. Цветовой из цикла «Стихи о Блоке».

Для Мл. Исаева лирика Блока — тоже непрерывный источник духовного обогащения: она продолжает, по его словам, «волновать, радовать и вдохновлять». Поэт видит Блока в постоянном внутреннем стремлении к совершенству и поиску человеческого счастья. Об этом говорит одно из стихотворений Мл. Исаева — «В молчании» с эпиграфом из Блока «Покоя нет» (потом так назвал он и целую свою книгу):

И ты, душа, покоя не знаешь,—
Волнуешься даже во сне,
Слушаешь речь бесконечности
В той тишине,

в которой приходят зрелые мысли:

Звучат самые чистые голоса.
И все очищается.
Словно после белых дождей.

В восприятии Блока на современном этапе у нас наблюдается одна неизменная тенденция: имя русского поэта связывается с Великой Октябрьской революцией. В стихотворении «Огонь» (1967) Дим. Василева, эпиграфом к которому поставлена строка из «Двенадцати» — «Кругом огни, огни, огни...», читаем:

Здесь тепло, здесь в спокойном ряду
Они — матросы, суровые, мужчины,
И тот кудрявый и худой поэт
Со своим нежным профилем, бледный и красивый,
Пришел из мрака, как древний бог,
Чтобы сюда принести свое вдохновение,
И славу Александра Блока,
И веру, и позднее сомнение...

Некоторые современные болгарские поэты, так же как Божидар Божилов, близки к Блоку лирическим строем своих раздумий о будущем, другие — перекликаются с Блоком в слиянии личного и общественного, что составляет внутреннюю сущность русского поэта, третьих особенно волнуют тревожные и мятежные струны блоковской лиры. Но и тем, и другим великий русский поэт дорог своим высоким нравственным идеалом, воинствующим гуманизмом, страстным отрицанием всего, что сдерживает человеческий прогресс, верой в предназначение нового человека, слитого с народом и гармонически развитого.

Болгарский аспект интернационального и общечеловеческого бытия Александра Блока, прослеживаемый здесь в разных направлениях, убеждает нас в том, что на протяжении свыше семидесяти лет творчество автора «Стихов о России» и поэмы «Двенадцать» было сопрячено самым жгучим вопросам

литературного и культурного развития страны. Воздействие русского поэта представляет собой не механическое перенесение его художественного опыта на болгарскую почву (не плод внешних совпадений и «влияний»), следовательно — это явление не случайное, а закономерное, вызванное самой болгарской действительностью, ее собственными процессами обновления в эпоху грандиозных исторических перемен.

Все это определяет значимость и плодотворность художественной традиции, идущей от Блока, которая воспринимается в одном ряду с традициями великой русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: И. Г. Неупокоева. Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963; «Сравнительное изучение славянских литератур. М., «Наука», 1973; А. С. Бушмин. Методологические вопросы литературоведческих исследований, 1971; Д. Ф. Марков. О некоторых вопросах типологических исследований. — «Славянская филология — VII Международный конгресс славистов». Варшава, 1973; Хр. Дудевски. О некоторых принципах сравнительного исследования. — «Русская литература», 1973, № 2; В. Велчев. Русско-болгарски литературни взаимоотношения XIX и XX веков, 1974.

² Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 185.

³ П. Зарев. Панорама на българската литература, т. 1, ч. 1 и 2. С., 1966—1967.

⁴ С. Хаджикосев. Българският символизъм и европейският модернизъм. С., 1974.

⁵ Вж. Е. Даскалова. Александър Блок и българската литература до Октомврийската литература. — Годишник на ВИТИЗ «Кр. Сарафов», г. XII, (1972), с. 205—250.

⁶ О раннем этапе знакомства с Блоком в Болгарии я провела анкету с его современниками акад. Николай Лилиевым и акад. Людмилом Стояновым в 1957—1960 гг. Здесь цитирую некоторые из их писем и бесед с автором.

⁷ Стихи Блока находились и в распространенных в это время у нас литературных альманахах таких, — как «Чтец-декламатор» и др. Об атмосфере, которая создалась около имени русского поэта, говорят и личные творческие встречи с ним некоторых культурных и театральных деятелей. Интересен в этом отношении факт, что Савва Чукалов, который учился в Петербурге в 1911—1917 гг. и участвовал в ряде издательских начинаний, привлек Блока в качестве сотрудника в задуманный им (в начале февраля) журнале «Златоцвет». Издание журнала не было, однако, осуществлено вследствие разразившейся февральской революции (Хр. Йорданов. Игорь Северянин в Болгарии. — «Русско-болгарские фольклорные и литературные связи». Л., АН СССР (БАН, 141—159). С Блоком был знаком и болгарский артист Стефан Киров, участвовавший в труппе В. Ф. Комиссаржевской (Е. Даскалова. Блок и театральное искусство в Болгарии. «Русско-болгарские театральные связи». Л., 1979).

⁸ В разговоре автора с Н. Лилиевым, 1957 г.

⁹ Г. Константинов. Николай Лилиев, човекът, поетът. Б. П. С., 1963, с. 31—33.

¹⁰ В упомянутом разговоре.

¹¹ В беседе Людмила Стоянова с автором, 1957 г.

¹² Письмо Николая Лилиева к автору, май 1960 г.

¹³ Оскар Норвежски. Една нощ във Виена (картина на петербургските литературни нрави). — «Българска независимост», I, 1908 бр. 45.

¹⁴ Криза в современния руски символизъм. — «Съвременна мисъл», II, 1911, № 8, с. 561—564.

¹⁵ С. Илчев. Русский символизъм и поэзия П. К. Яворова. — «Русско-болгарские фольклорные и литературные связи». Л. АН СССР, БАН, Л., 1978, с. 138.

¹⁶ Г. Константинов. Николай Лилиев. БП, 1963, с. 36.

¹⁷ Л. Стоянов. Спомени, писма, документи. С., 1958.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Л. Стоянов. Димчо Дебелянов — поет на жизнения подвиг, С. 1926, с. 272.

²⁰ Ст. Королев. Димчо Дебелянов. Литературно-критически очерк. С., 1961.

²¹ Г. Димитров. Сочинения, т. IV. С., 1953, с. 286.

²² Т. Харманджиев. Първа поетическа школа. — «Литературен фронт», 1957, № 41; Ламар. Вдъхновена рожба на Октомври. — Там же, 1957, № 4; Л. Стоянов. Съветската книга — учителка на българските писатели. — «Работническо дело», 1958, № 103.

²³ Е. Даскалова. Александър Блок и българска литература после Октябърской революции. — «Русская литература», 1966, № 3; Александр Блок и революционного искусство в България. — Годишник на Висшия институт за театрално искусство. «Кр. Сарафов», т. XVII, 5.1977.

²⁴ А. Блок. Дванадесетте. С иллюстрации на М. Ларионов и Н. Гончарова. Прев. Г. Милев. София, 1921.

²⁵ «Пан», 1920 год. I, № 2 (прев. Ф. Чолаков); «Наковалня», 1926 год. II, № 39, с. 5 (прев. Д. И. Полянов); «Книгопис», 1928 год. I, кн. 2, с. 46—47; «Българска култура», 1931, год. I, № 5, 25 ноември (прев. Анна Мария — Анна Беливанова); РЛФ, 1931, год. III, № 63, 22 октомври (прев. Хр. Радевски); «Литературен глас», 1939 год. II, № 432, 26 април (прев. Кр. Димитров); «Световна

иллюстрация», 1940, год. I, № 4, 23 ноември (прев. Кр. Пенев). Перевод Хр. Радевского см. также в кн.: «Антология на съвременната руска поезия». Съест. Хр. Радевски. С., 1938.

²⁶ Непознатата.—«Ново звено», 1923, год. I, кн. 2—3, с. 33 (прев. Л. Панов); «Неизвестната».—«Хора», 1923, год. I, кн. 7—8, с. 90—91 (прев. Ст. Караиванов); «Непознатата».—«Модерно изкуство». 1923, год. I, кн. 7, с. 101 (прев. Е. Теодоров).

²⁷ «Романсеро».—«Обществена мисъл», 1923, год. V, кн. I, с. 9 (прев. К. Константинов); «Яви се той на бала строн».—«Рампа», 1924, год. I, № 9, 18 декември (прев. С. Гатев); «Плас в облаците».—«Викове», 1924, год. I, кн. I, с. 6—7 (прев. А. Нещастиев); «Аз обичам горските тревии».—«Комедия». 1927, год. VII, № 104, 4 февруари (прев. К. Йорданов).

²⁸ А. Блок. Двенадцать. Предисл. П. Сувчинского. С. 1920.

²⁹ А. Блок. Русия и интеллигенцията. Прев. Ламар и Н. Хрелков, София, 1921.

³⁰ «Работнически вестник», 1922, год. III, № 27, 15 юли (литературное приложение № 3).

³¹ Кр. Кюлявков. Светлина по пътя. Пътеписи и срещи. С., 1931, с. 31.

³² Гео Милев.—Александър Блок.—«Везни», 1921, год. III, № 4, с. 1—3.

³³ Там же.

³⁴ Л. Стоянов. Александър Блок.—«Хиперион», 1922, год. I, № 8, с. 489—494.

³⁵ «Работнически вестник», 1923, год. III, № 193, 10 февруари (литературное приложение № 23).

³⁶ Хр. Радевски. Александър Блок.—РЛФ, 1931, № 63, с. 2.

³⁷ В. В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1959, с. 21.

³⁸ «Советската литература в България, 1918—1944», т. II. С., 1964, с. 236—237.

³⁹ Н. Ланков. Спомени за съветската книга в България.—В кн.: «Съветската литература в България», т. II, с. 150.

⁴⁰ Сведения получени во время беседы автора статьи с Кр. Пеневым в мае 1957 г.

⁴¹ Из письма Н. О. Массалитинова к автору статьи 1959 г.

⁴² Цитируется по записи автора, сделанной во время беседы с М. Марчевским в июне 1960 г.

⁴³ Письмо Вл. Трандафилова к автору, от октября 1970 г.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 53.

⁴⁵ Е. Даскалова. Революционная поэзия А. Блока и болгарская литература.—«Русско-болгарские фольклорные и литературные связи XX века». Л., АН СССР и БАН, 1977.

⁴⁶ Л. Стоянов. Пътят на развитието.—В кн.: «Съветската литература в България, 1918—1944», т. I. С., 1961, с. 154.

⁴⁷ Г. Милев. И свет во тме светитя.—«Пламя», 1924, год. I, № 1, с. 94.

⁴⁸ См.: Хр. Дудевски. Влиянието на съветската литература върху две български поеми.—«Известия на Института за българска литература». 1963, кн. XIV—XV, с. 147—158.

⁴⁹ «Везни», 1920, год. II, кн. 2, с. 88.

⁵⁰ В этом отношении Г. Милев следует широко распространенной традиции, связанной с атеистическими тенденциями в мировой и болгарской литературе («150 000 000» Маяковского, «Тхачи» Гейне, «Молитва» Ботева).

⁵¹ М. Николов. Христо Смирненски. Литературно-критически очерк. С., 1965.

⁵² Интересно, что А. Каралийчев в поэме «Мауна лоа» (1919) изображает революцию в виде огненного вулкана, лава которого сметает все на своем пути. Эпиграфом к поэме послужили строки из «Скифов»:

Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

⁵³ Е. Даскалова. Октомврийската поема на А. Блок «Двенадцать» и някои жанрови особености на революционната поема в съветската и българската литература (студия).—«Ленинските идеи в съвременното изкуство», БАН, 1917. Сборник посвещен 100-летию со дня рождения Ленина.

⁵⁴ См. сб. «Александр Блок. Избрани стихотворения и поеми» (1960) под редакцией Мл. Исаева. Сюда включены свыше 5000 стихов начиная с юношеской лирики Блока и сб. «Стихи о Прекрасной Даме» и кончая последними его произведениями: «Двенадцать», «Скифы», «Женщина, безумная горячка», «Пушкинскому дому». Впервые переведены на болгарский язык полностью или частично: «Ямбы», «Итальянские стихи», «Пляски смерти», «Кармен», а также поэмы «Соловьиный сад» и «Возмездие».

⁵⁵ В личной беседе с Елизаветой Багряной 5 марта 1979 г.